

Любите ли вы Брамса?

Вирсаладзе, Клас и ГАСО

Фото А. КРУПНОВА

Еще не успели утихнуть разговоры об успешном концерте учеников Элисо Вирсаладзе, как сама профессор явила себя московским любителям музыки в БЗК, словно напоминая, что она не только великолепный педагог, но в первую очередь блистательная концертантка.

Финал нынешнего концертного сезона обещал получиться мажорным, несмотря на минорные тональности исполняемых произведений, ведь в нем принимали участие выдающиеся исполнители — Элисо Вирсаладзе, дирижер Эри Клас и... Госоркестр.

Когда-то Иоганнес Брамс, написав свой Первый, ре-минорный, фортепианный концерт, задал нелегкую задачу его будущим исполнителям. Двадцатилетний композитор, еще не набравший опыта, метался между сонатой для двух фортепиано и симфонией, а в результате получился концерт, на форме которого эти метания отразились не самым лучшим образом. Недаром премьера концерта в авторском исполнении не получила признания. Лишь через 15 лет Клара Шуман сумела придать этому произведению стройный облик, и с того времени началась долгая и славная жизнь ре-минорного концерта.

Элисо Вирсаладзе по праву считается одной из самых романтических пианисток нашего времени, а Брамс — один из самых любимых ее композиторов. И потому ей легко удастся осуществить на сцене заветную мечту великого немца — соединить эмоциональный порыв с умеренным рационализмом. Она, как расчетливый и в то же время вдохновенный архитектор, создает форму концерта, сглаживая своим мастерством его конструктивные огрехи. Самое трудное — не дать огромной первой части расплзться на отдельные фрагменты, и Вирсаладзе это умеет. Разнохарактерные по эмоциональному накалу и по звуковой динамике эпизоды она пронизывает сквозным единым действием, отчего драматургия концерта обретает цельность и завершенность. Пианистке очень тактично помогает в этом

дирижер Эри Клас, великолепный ансамблист. Он ведет оркестр за солисткой, предугадывая ее исполнительские намерения. Жаль только, что оркестр не всегда адекватно реагировал на пианистические и дирижерские послылы. Порой был вял и безучастен и оказался в значительной степени повинен в статичности лирической второй части, которую не смогло преодолеть даже волшебное “бельканто” фортепиано под пальцами Вирсаладзе. Удивительно, как это не дрогнули оркестровые сердца от этой чарующей кантилены, заставляющей забыть об ударной сущности фортепиано. Впрочем, в финале все встало на свои места, и к апофеозу солистка, дирижер и оркестр пришли в радостно-вдохновенном единстве, преодолев по пути множество драматических коллизий.

В четвертой, ми-минорной, симфонии Брамса Эри Клас уверенно опроверг застарелый стереотип, согласно которому приблтам отказывают в повышенной эмоциональности. В романтическом просторе брамсовской музыки он чувствует себя свободно и раскованно и находит такие яркие краски, которые свидетельствуют о его колористическом многообразии. И опять, к сожалению, оркестр не всегда откликнулся на призывы дирижера о большей самоотдаче. Руки маэстро просили, молили, требовали эмоционального накала, а струнные все так же равнодушно “фицкали” (по образному выражению великого П.Столярского) смычками, и только духовые старались поддерживать звуковое решение оркестра в мощном и интонационно точном звучании. Иногда, словно очнувшись от спячки, оркестр вспоминал, что романтизм — это “буря и натиск”, и тогда мы снова слышали ГАСО в его привычном качестве, но странно, что этого накала хватало ненадолго и руки Эри Класа чаще работали вхолостую. Впрочем, можно сказать, что филармония достойно закрыла свой нынешний сезон.

Евгений ЭПШТЕЙН

Купецкая. — 1999. — 1-7 июля. — с. 10